

ПИОНЕР 12

1986

КЛОУН И А

РАССКАЗ

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

Игорь Антонов, слышите?! Вообще-то имя и фамилия у меня нормальные, правда. Ничего смешного в них нет. А вот вхожу я в класс — все начинают смеяться. Ну, когда меня величают Антонте, это еще понятно, это намек на то, что во мне есть что-то такое, что было в Антоне Павловиче Чехове, когда его именовали Чехонте!.. И все это, вместе взятое, наверное, оттого, что я веселый человек! Весельчак я! Шутник! Сам люблю посмеяться и других люблю повеселить. Поэтому на переменах почти что все мальчишки и девчонки так и стараются быть поближе ко мне. Так и смотрят мне в рот: что я сейчас смешное скажу или что-нибудь такое выкину, что они себе животики надорвут. А некоторые прямо так и просят: «Ну, Антонов, ну, Антонте! (Опять намек на Чехонте, помните?) Рассказывай, что ты дома (или во дворе, или в гостях, или еще где-нибудь) начудил?..» У меня в голове всяких озорных выходок все равно что семечек в подсолнухе! Не считали? Посчитайте — узнаете, сколько! Когда на уроке становится скучно, сразу все начинают поглядывать на меня. Давай, Игорек, мол, рассмеши нас. Выручай! Функционируй! Ну, я, конечно, поднимаю руку, а из кармана у меня, например, начинает дробь сыпаться. И по полу, конечно, раскатывается. Учительница меня, ясно-понятно, спрашивает: — Антонов, а почему у тебя из кармана дробь сыплется?

А я, ясно-понятно, отвечаю:

— А потому, что я пишу повесть «Записки охотника»! Хочу с Тургеневым потягаться!..

— Вероятно, это, — говорит учительница, — будут «Записки охотника до неуместных шуток»!.. Зачем ты тянул руку?..

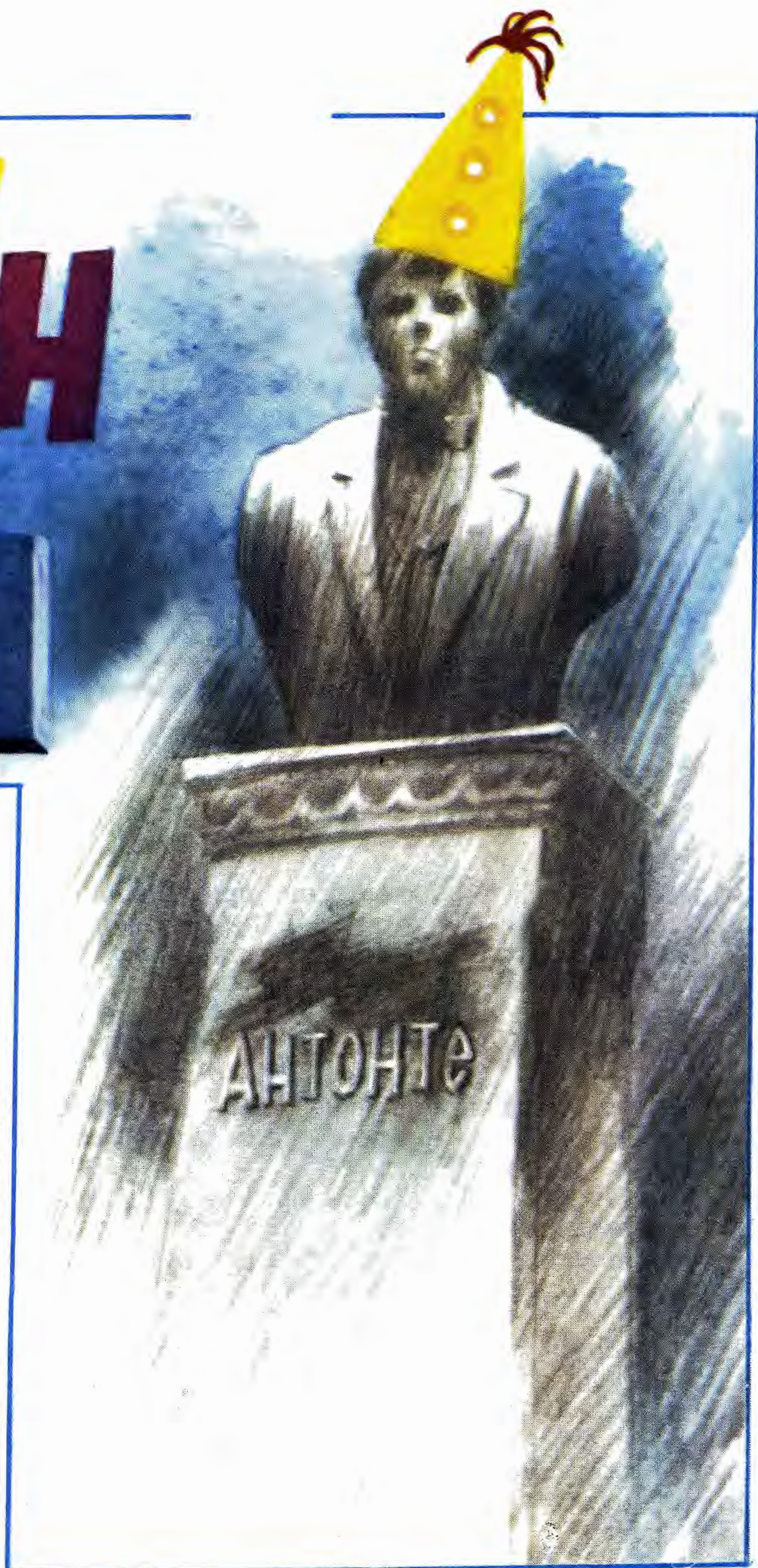
— Я хотел у вас спросить... — и с самым умным

и глубокомысленным видом задаю учительнице какой-нибудь дурацкий вопрос, вроде такого: «А скажите, Мария Ивановна, как вы считаете, молекула воды мокрая или сухая?»

Девчонки тут же начинают фыркать, а мальчишки просто покатываются со смеху.

Или, предположим, вызывает меня Леокадия Петровна (английский преподает) к доске. Я выхожу. Мне задают вопрос. Конечно, на английском. Я закрываю глаза и начинаю отвечать. Леокадия Петровна, конечно, спрашивает меня: «Почему это я, то есть — перехожу на английский — Вай ю ансвер ту ми куестчен с закрытыми глазами?..»

Все насторожились, ожидая моего ответа. Я нарочно тяну паузу, как Мартынов... комик такой

Или, предположим, вызывает меня Леокадия Петровна (английский преподает) к доске. Я выхожу...

был в Малом театре давно, еще при Щепкине, значит, тяну время, держу паузу. Потом говорю:

— Потому что я не могу видеть, как вы мучаетесь от моих ответов!

И даже пытаюсь изложить это по-английски (это с моими-то знаниями и с моим произношением!).

Леокадия Петровна, конечно, сразу начинает читать мне нотацию. А время идет! А ребятам только этого и надо.

Однажды учительница свое нравоучение закончила словами:

— Мне кажется, что все это я зря тебе говорю! У тебя слова в одно ухо влетают, а в другое вылетают!..

В следующий раз, когда в класс вошла Нина Петровна (учительница химии), я тут же достал из сумки большую пробку и, когда начался урок, воткнул ее себе в ухо. Раздался, ясно-понятно, смех. Учительница смотрит на меня, я смотрю на учительницу. Она спрашивает:

— Антонов, что у тебя торчит из уха?

— Пробка,— отвечаю я.

— Зачем она торчит у тебя из уха?

— Затем, что про меня говорят, что слова у меня влетают в одно ухо, а в другое вылетают,— отвечаю я вежливо.— Так вот, чтобы, влетая в одно ухо, они не вылетали бы из другого, я и придумал это приспособление.

В классе, конечно, смех, переходящий в хохот... Что и требовалось доказать!..

— М-да,— говорит задумчиво учительница, когда смех немного затихает,— не растешь ты, Антонов, не растешь!..

Ах, я не расту?.. Ну, ладно!.. Это мы еще посмотрим!.. Два дня ушло на обдумывание трюка с моим «ростом». На третий день приношу из дома длинный черный халат, надеваю его перед уроком на себя. Влезаю в этот халат на плечи толстяка Толи Фокина, что сидит на последней парте, пряча его лицо и плечи под полы халата. Еще до входа учительницы в класс раздается такой взрыв смеха, который отбрасывает ее метра на три от

двери в коридор. Но вот она заходит, боязливо, правда, но все-таки заходит в класс. Смотрит на мою парту — меня нет. Облегченно вздыхает. Проходит к столу. И вдруг замечает, я сижу на последней парте длинный, как баскетболист, сложив руки на груди. Все в этот момент от смеха начинают просто хрюкать.

— Что это такое?— чуть ли не кричит Нина Петровна.

— Я вырос,— отвечаю я с серьезной миной.— Вы меня покритиковали за то, что я не расту. И вот я отреагировал на вашу критику!

— Вон из класса!— кричит Нина Петровна.

Толик Фокин, шатаясь под тяжестью моего тела, вылезает из-за парты, мы направляемся к двери и вдруг валимся на пол. Шумный смех переходит в бешеный хохот!.. Что и требовалось доказать.

— Оба за дверь шагом марш!— командует учительница.

Мы выходим. На перемене вызывают к директору. У директора мне выволочка, как Ваньке Жукову... Вулкан мой затихает, но ненадолго, потому что, ясно-понятно, такие проделки отнимают много сил и времени, но у нас дружный класс, он мне дает отдохнуть дня два-три, чтоб затем с новой энергией... Сегодня я как раз думал, что у меня будет небольшая передышка, но не удержался. На русском такая скукота, что пришлось пустить в ход некоторые домашние заготовки: придумал я как-то один трюк — стоя спиной к классу, сначала надо вытянуть шею, а она у меня и так очень длинная, и опустить плечи как можно ниже, затем нагнуть голову, упиравшись подбородком в грудь. Я знал, что в таком положении я буду выглядеть так, словно у меня вообще нет головы! Так и сделал, стоя у доски... Фокин словно того и ждал, как закричит: «У Антонова голова отвалилась! Антонов — всадник без головы!» Шум поднялся. Геннадий Демьянович (учитель по русскому и литературе) смотрит на меня сквозь очки и ничего понять не может — он и в очках плохо видит!

— Спокойно,— говорю я глухо от доски,— голова действительно у меня свалилась с плеч, но я ее успел поймать... Сейчас я ее снова приставлю к плечам!..— И, делая вид, что я поднимаю голову обеими руками, восклицаю: — Ап!..— И голова моя снова появляется там, где ей и положено быть!..

Тут, конечно, овации, как в цирке. Я повернулся и стал раскланиваться, прижимая руку к сердцу. Не знаю, что было бы дальше, если бы не прозвонел звонок.

Вы, наверное, думаете, что это все легко делается — вышел к доске и... валяй себе дурака? Как бы не так! Сцену «из него песок сыплется» мы с Фокиным целый день репетировали. Специально песок собрали на детской площадке, дырку у меня в куртке специально сделали! А после я Фокина мимике и жестам обучил. В итоге получилось что надо. На уроке физички Калерии Степановны. Идет, значит, урок, и вдруг, значит, смех вроде бы ни с того ни с сего.

— Что такое? Почему смех? Опять что-нибудь Антонов...— привычно спрашивает физичка Калерия Степановна.

— При чем здесь Антонов?! — притворно возмущаюсь я.— Чуть где смех, так, значит, Антонов виноват!..

— А в чем дело?— продолжает допытываться физичка.

— Дело в том,— поясняю я,— что нельзя нам столько уроков задавать и такими нас нагрузками нагружать... У меня такое самочувствие, будто мне вчера уже лет сто исполнилось...

— Значит, ты уже все знаешь, раз тебе сто... Иди к доске!

Я по-стариковски вылезая из-за парты, шаркая ногами, подхожу к учительскому столу и на середине пути вынимаю палец из дырки, что в кармане пиджака. Даю знак Фокину. Он говорит:

— Калерия Степановна, пожалуйста, верните Антонова на место, а то он так постарел, что из него песок сыплется.

А из кармана пиджака у меня уже действительно сыплется песок.

— Сначала он сразу вырос, а потом моментально состарился,— объясняет Фокин.

Часть класса веселится, а другая половина, чувствуя, что я хватил через край, молчит и наблюдает, что будет дальше.

— Так,— говорит Калерия Степановна,— на перемене подметешь пол, а за срыв ответа я тебе ставлю двойку!.. После уроков зайдешь к директору. В субботу пусть придут в школу твои родители!.. Цирк по тебе плачет, Антонов, цирк плачет,— добавляет Калерия Степановна.— Клоуном, конечно, быть хорошо, но для этого нужно уметь выбирать время и место!..

В классе меня больше всех других не одобряет Борис Колчин. Он отличник, очень высокого мнения о себе, а когда я скажу что-нибудь остроумное и смешное, он обязательно скорчит презрительную гримасу и скажет громко:

— Шут ты гороховый, Антонов!—Это он говорит, а я вынимаю из кармана пакет с гороховым супом. Кругом опять хохот. Ну все это потому, что Колчин завидует мне. К нему-то на переменах никто не подходит, вот он и злится. И главное, еще совет мне дает: «Будешь, говорит, работать в цирке, советую взять себе псевдоним «И.-А.» Понял? Иа! Иа! На манеже весь вечер клоун Иа!.. Публика на такое ослиное имя будет валом валить...»

Девчонки слышали наш разговор и рассмеялись, но я на Колчина не обиделся, мне лишь бы вокруг меня весело было!

Этим дело не кончилось. На уроке нашей классной руководительницы, Зинаиды Ефимовны, выскочила староста нашего класса Нина Задворина и в полном смысле этого слова заорала, что наступила пора меня вместе с моими дурацкими штучками гнать из класса!

После сцены с песком я получил от кого-то записку следующего содержания: «Ант! Ты хочешь мне понравиться как раз тем, чем ты мне очень не нравишься!!!» И подпись — «Т. З.» Здравствуйте! Я хочу покорить весь мир своим юмором, а не какую-то одну Тэзэ!..

А примерно через день справедливость снова восторжествовала и мои акции, как говорят деловые люди, резко поднялись вверх! Еще бы! Вдруг ни с того ни с сего, безо всякой моральной подготовки, кто-то взял и объявление в вестибюле школы повесил, что, мол, организуется кружок школьного цирка под руководством бывшего известного клоуна, народного артиста. Желающих, мол, просят записываться. Ребята с этой новостью сразу ко мне. Ну, мол, Антонов, не иначе как до этого артиста новость дошла: есть, мол, в одной школе клоун-самородок и пора вокруг него целый цирк организовать! Я задаваться, конечно, не стал, но

сказал: «Вокруг меня, так вокруг меня! Очень-то сопротивляться не будем!..»

С тем и домой ушел.

На следующий день после уроков зашел это я в актовый зал, смотрю, действительно, сидит артист, действительно, известный в стране, примерно так же, как я в нашей школе. Протягиваю ему руку и говорю:

— Клоун Антонов-Антонте!.. Слышали про такого?

— Нет,— говорит,— не слышал...

Вот, думаю, друзья! Про что не надо — растрезвонят на весь город, а про что надо — молчок!.. Спрашиваю дальше:

— Когда премьера?

Он говорит:

— А что?

Я говорю:

— Ну, чтоб знать, что за каким номером исполнять!

— Вы меня покритиковали, что я не расту. И вот я отреагировал на вашу критику!

Он говорит:

— Пожалуй, сначала надо просмотр пройти...

Я говорю: «Смотрите, я весь тут!..» И сразу несколько смешных штучек показываю, а он не смеется. Я тогда повернулся к нему спиной и голову свою на длинной шее пригнул так, чтобы снова получился «всадник без головы», артист опять не смеется. Ребята из зала кричат: «Пошевели ушами!» Я пошевелил. Артист не смеется. «Сделай лоботряса!» — опять кричат ребята. Есть у меня такой трючок в запасе. Лбом я умею очень смешно трясти. Сделал я «лоботряса». Артист даже не улыбнулся и говорит:

— Сделайте мне этюд, как будто вы моетесь в душе. Намылились, а вода идет то горячая, то холодная, а потом вообще идти перестает.

Начал я все это изображать, да так, чтоб все посмешнее было.

Даже ребята и те перестали смеяться.

— М-да,— сказал народный артист,— у вас, молодой человек, нет никакого чувства юмора... (Это у меня-то?!) И обаяния у вас нет!.. (Это у меня-то?! Да я за три квартала слышу носом, что у нас сегодня на обед!)

Я так и заявил артисту. Тут выяснилось, что обед чувствуют не обаянием, а обонянием... А обаяние — это что-то совсем другое... Здесь зал, конечно, грохнул в первый и последний раз, а я на прощание спросил у артиста:

— А что же у меня есть?

Артист подумал и сказал:

— Обыкновенная нескромность... — И добавил:— Другой бы на вашем месте постеснялся все это вытворять, а вы даже не стесняетесь...

На следующий день в школу я заявился с такими домашними заготовками и маленькими футбольными хитростями, что, по моим расчетам, все, начав хохотать еще до начала первого урока, не остановятся до конца занятий. В раздевалке было уже довольно много учеников. Внезапно я услышал, как кто-то крикнул: «Клоун из погорелого цирка!..» Раздалось хихиканье. И еще кто-то, неплохо подражая ослу, прокричал: «И-а! И-а!» Я

невозмутимо поднялся по лестнице, ожидая, что в коридоре-то меня тут же обступят одноклассники, но ко мне никто не подошел.

В классе окна почему-то были плотно завешены и стоял маленький кинопроектор. Здесь на меня тоже никто не обратил внимания, как будто бы я и не входил в класс. Я себя чувствовал клоуном, который вышел в цирке на манеж, а зрителей — ни одного человека.

Вдруг Борис Колчин громко говорит:

— Внимание! Начинаем демонстрацию короткометражного документального фильма «Пожар в цирке!» При участии ненародного неизвестного неартиста Игоря Антонова — Антонте!!! Смотрите все! Смотрите все! Документальный фильм с ишачизмами и ослизмами! Так...

Тут гаснет свет, и кинопроектор начинает жужжать.

А я-то думал, и чего это Колчин на меня сумку все время наводил, а там, оказывается, у него любительская кинокамера была спрятана, которой он и снимал все мои кривлянья. Иначе я не могу это назвать после «Пожара в цирке»...

После фильма я сидел один-одинешенек в классе. Люба Козина только подошла. Даже села рядом. Сказала:

— Не переживай так... бывает хуже... Может, это не твое дело?..

— Да, «не переживай»! Неужели я и вправду такой?..

Козина подумала и сказала:

— Знаешь, я читала, что один человек в молодости попробовал сняться в кино и, когда увидел себя на экране, ужаснулся... И актером не стал, зато стал знаменитым режиссером...

Потом она поднялась и ушла, а я все сидел и думал: «Интересно, что она этим хотела сказать?.. Э-э-э! — осенило вдруг меня.— А не она ли это написала мне ту самую записку, под которой стояла подпись Т. З.?»

Перед самым началом занятий, когда все уселись за парты, я поднялся и сказал:

— Ребята! Извините меня, ишака, я беру все свои дурацкие шутки обратно!.. Мне самому на

На манеже весь вечер клоун Иа!

себя было противно смотреть во время фильма... Теперь я понимаю, что значили слова народного артиста о том, что у меня нет никакого обаяния!.. Чего нет, того нет...— С этими словами я сел и уронил голову на руки... Некоторые думали, что я плачу, а некоторые, что я смеюсь. Не знаю... не ручаюсь... Может быть, я и смеялся, и плакал одновременно...

Теперь так было на всех уроках. Никто ко мне не подходил, никто не спрашивал: «Что новенького в твоём репертуаре?» Никто меня ни о чем не просил, ничего не ждал. Первый раз в жизни я сидел на уроках серьезный-пресерьезный... Все учителя поглядывали на меня с удивлением. И так день за днем. Вы знаете, а мне даже понравилось быть серьезным! Честное слово! И голову не надо ломать над всякими штучками-корючками, и выдумывать не надо бог весть что, как говорится, с ливером, и учиться я стал лучше, настолько лучше, что теперь многие ко мне обращаются с просьбой: «Антонов, что-то я не понимаю того или этого... Не поможешь?» А почему не помочь, если ты сам в этом хорошо разбираешься... Помогу, да еще и пошучу при случае. Нет, ребята, честно признаюсь, что серьезным человеком быть очень даже хорошо и приятно. И никто этому моему превращению не удивляется. Только классная руководительница Зинаида Ефимовна один раз сказала:

— Слушайте, Антонов, вас случайно не подменили инопланетяне?..

— Не подменили, не подменили!— успокоил я учительницу, а сам про себя подумал: «Просто я стал, наверное, тем, кем буду всю жизнь,— серьезным человеком!..»

Да, я же забыл вам сказать, кого у нас клоуном приняли в наш школьный цирк... Володя Кукушкин стал клоуном. Тот самый, что у нас в классе считался самым серьезным мальчиком и лучше всех учился. У него, оказалось, есть и чувство юмора, и обаяние. Я сам над его штучками на школьных представлениях до упаду хохотал... Ну уж в чем, а в смехе-то я разбираюсь... сам был когда-то весельчаком!.. А однажды на большой перемене Люба Козина подошла ко мне... Представляете, сама по себе... взяла и подошла... Постояла, сдула челку со лба (такая у нее привычка) и говорит:

— Ну, что, Антонов, скучаешь по Антонте?!

— С чего это ты взяла, что скучаю!— ответил я.

— Скучаешь, скучаешь, по глазам вижу... у тебя глаза, как у щенка, у которого отняли кость с мясом... Слушай, а не обязательно ведь смех вызывать глупыми шутками, можно ведь и умными?..— И вдруг:— А что ты вечером делаешь?

— Ничего,— говорю.

— Пойдем... новую кинокомедию посмотрим?.. Посмеемся...

— Нет,— говорю,— на комедию не пойду.

А сердце у самого почему-то бьется, как на занятиях по физкультуре.

— А почему не хочешь?

— Смех-шмех,— говорю я,— несерьезное это дело!.. У меня от смеха теперь, когда я стал серьезным человеком, сразу же аллергия начинается. Чешусь весь с ног до головы.

— Ну, как хочешь,— сказала Люба и пошла.

— Лучше на серьезный фильм пойдем,— сказал я ей вслед.

Люба остановилась, подумала и сказала:

— Слушай, а может, тебе попробовать писать?.. Подумай!— сказала Люба.

— Ну, пойдем на серьезный фильм, раз у тебя аллергия от смеха...

И опять вдруг:

— Да перестань ты вспоминать о своем провале!..

И как она только чувствует, что я все еще продолжаю переживать то, что случилось, эхолот, что ли, какой-то у нее в душе?..

— Слушай, а может, тебе попробовать писать?.. Подумай!— сказала она и вышла из класса...

А может, и действительно мне попробовать писать?.. Чувствую, что в голове шевелится один сюжет... Впрочем, что я сам с собой-то скромничаю?.. Шевелится сюжет, и не один. И совсем не один!